

УДК 94(470)"1238/1480"

ВТОРАЯ ПАНДЕМИЯ ЧУМЫ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

Т.Ф. Хайдаров

*(Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А.Н. Туполева)*

Д.А. Долбин

(ФБУН «Казанский НИИ эпидемиологии и микробиологии»)

В статье рассматриваются причины возникновения и последствия протекания второй пандемии чумы для Золотой Орды. Авторы, используя научные данные из биологии, климатологии, медицины и истории, пришли к выводу, что на территории Улуса Джучи изначально существовало множество природных очагов чумы. В исторических источниках не раз отмечались вспышки чумы, но все они имели чисто локальный характер. Распространена была бубонная форма заболевания, характеризовавшаяся более длительным периодом заболевания и незначительным процентом смертности. В середине 1340-х г. на территории Золотой Орды возникла новая форма заболевания – легочная. Именно почернение трупов умерших от этой формы заболевания и дало название всей пандемии – «*Черная смерть*». Скорость протекания и распространения последней, значительно превышали бубонную форму, фиксировалась 100% летальность среди заболевших. Как показали данные исторических источников, вспышка легочной формы продолжалась на территории Золотой Орды с 1346 по 1349 год.

Авторами статьи доказывается, что одной из важных причин возникновения легочной формы явилось изменение миграционных потоков евразийских грызунов, вызванное исчерпанием пищевых ресурсов в степи и серьезные климатические изменения. Все остальные вспышки «*Черной смерти*» рассматриваются как продолжение первой волны заболевания, а их появление объясняется активностью двух природных очагов («*реlictового северо-западного очага*» и нижеволжского). Последствия первой волны были куда менее значительными для Улуса Джучи нежели последующих вспышек заболевания (1364, 1374, 1395). Главными последствиями последующих волн заболевания явилось: окончательное становление 4-х политических центров (Великое княжество Московское, Булгарский и Крымский улус, Кок-Орда), стремящихся к политическому лидерству на пространстве бывшей Золотой Орды, становление новой этнической общности поволжских татар и укрепление позиций ислама.

Ключевые слова: Мамай, Генуя, Крым, Волжская Булгария, Нижнее Поволжье, Средняя Азия, Кок-Орда, ислам.

На рубеже XII–XIV вв. разразился системный кризис, получивший в Европе название кризиса феодализма. Отличительной чертой любого системного кризиса считается практическое исчерпывание старых экономических, политических и идеологических установок. Общественное восприятие данного кризиса усугублялось резким изменением климата, трансгрессией среднегодовых температур, увеличением количества выпавших осадков и ростом сейсмической активности на Евразийском континенте [3, с. 364]. При этом многими историками признается, что одним из важнейших факторов, усугубивших кризис, стала вторая пандемия чумы. Следует отметить, что первая пандемия чумы («чума Юстиниана») прокатилась по Западной Евразии в середине VI века. Как и первая, вторая пандемия чумы стала своеобразным Рубиконом между эпохами. Однако, в понимании природы происхождения, клиники и последствий пандемии у историков пока нет единой точки зрения. Тот факт, что «*Черная смерть*» по размаху и скорости распространения превзошла все известные в истории заболевания, как то: Библейская чума в Египте, «*Чума филистимлян*», «*Чума Фукида*» (430–425 гг. до н.э.), «*чума Антониана или Галена*» (165–168 гг. н.э.), «*чума Киприана*» (251–266 гг. н.э.), заставляет заново пересмотреть ранее утвердившиеся точки зрения на эту проблематику.

Относительную ясность в этом вопросе, вследствие достаточной изученности, предоставляют данные по «*Черной смерти*» в XIV–XV вв. Впрочем, и они охватывают лишь ограниченный район – Западная Европа. Одним из крупных белых пятен истории можно считать протекание «*Черной смерти*» на территории Золотой Орды. Американский исследователь Юлай Шамильоглу на основе данных исторических источников выделяет несколько волн чумы на территории Улуса Джучи: первая – 1345–46 гг., вторая – 1364 гг., третья – 1374 гг. и четвертая – 1396 гг. [25, с. 687] Эта точка зрения в целом соответствует установившимся в исторической науке представлениям о протекании второй пандемии чумы. Как и многие историки Юлай Шамильоглу в первую очередь указывает на бубонную форму болезни [29]. Однако, в сборнике В.Г. Тизенгаузена речь идет скорее о легочной форме заболевания [23, с. 530].

Отличительной чертой этой формы чумы является не только видимая клиника протекания болезни (быстротечность протекания болезни, кровохарканье, большая смертность, до 100%), но и способ её передачи. При легочной форме заражение организма человека происходит не через укусы перенесенных на черных крысах с востока чумных блох, а через попадание в организм посредством вдыхания болезнетворных бактерий (*Yersinia pestis*). В то время, как клиника протекания бубонной формы чумы имеет принимает несколько иные формы: появление резких болей в груди, сопровождающееся высыпанием многочисленных карбункулов и бубонов в подмышечной и

паховой областях. Трупы людей, умерших от этой формы чумы, к всеобщему ужасу живых стремительно чернели и напоминали по цвету уголь – отсюда и появилось название «*черная смерть*». Как правило, бубонная форма чумы имела более длительный период протекания (от 3-х до 5-ти суток), но в отличие от легочной, первая форма имела локальный характер распространения [15].

Как показали клинические исследования и многолетние наблюдения природных очагов бубонной чумы, численность летального исхода среди заболевших в районах, затронутых эпидемией бубонной чумы, и в первую очередь скорость распространения не превышали средне-допустимых значений по другим эпидемическим заболеваниям. В то время как во второй пандемии скорость и район распространения эпидемии были просто огромны. В период с 1346 по 1352 гг. волна чумы прокатилась от Золотой Орды до Гренландии [3, с. 44]. Размах второй пандемии чумы в таком случае нельзя объяснить простым ростом численности пострадавших от укусов бубонных блох людей.

Одной из важных предпосылок для появления массовых эпидемий среди людей является возникновение взаимодействия между возбудителями природно-очаговых заболеваний, их донорами, переносчиками и реципиентами, сложившееся в процессе эволюции организмов и межвидовых отношений на определённом фоне внешней среды без какой-либо зависимости или связи с человеком и его деятельностью [17]. Впоследствии влияние людей может оказать давление на природные очаги болезни – «*патобиоценнозы*», а иногда даже укреплять и расширять их («*антропургические*» очаги) [4, с. 16].

Исходя из учения академика Е.Н. Павловского и его последователей (А.И. Дятлова [5], Н.П. Наумов и др.) [16], а также зарубежных биологов, таких как Р. Поллитцер [27] и Т. Батлер [28], можно открыто говорить о существовании на территории Улуса Джучи нескольких природных очагов в районе «*Евразийского разлома*». Этот «*сверхочаг*» находился в районе Кавказского хребта, Прикаспийской низменности и Волго-Уральских степях и состоял из локальных, небольших природных очагов чумы, передававшейся в первую очередь среди грызунов. При этом исследователи отмечают главную особенность природных очагов – наличие у каждого из них характерной динамики эпизоотий (вспышек заболеваний). Периоды относительного длительного затишья могут смениться внезапным «*взрывоподобным*» ростом и мгновенным затуханием [4, с. 26].

Также биологи отмечают наличие нескольких разновидностей чумы: «*крысиную*» (*ratti*), «*сурочью*» (*marmotae*), и «*сусличью*» (*citelli*). По их мнению, адаптация чумного микроба и его носителей из разных природных очагов является прямым следствием коэволюции и взаимной адаптации, и как следствие избирательной вирулентности, то есть быстрому росту чувствительности к возбудителю чумы вследствие

недавней встречи или слабого контакта с ним [4, с. 27]. Исследователи отмечают, что наиболее опасными с эпидемической точки зрения являлись регионы, располагавшиеся между очагами дикой чумы и поселениями людей, где возбудитель чумы передавался синантропным грызунам – крысам и домовым мышам, а также домашним животным (свиньям, коровам, лошадям, верблюдам и др.).

Можно предположить, что одной из причин резкого всплеска чумы в 40-е гг. XIV века стало изменение миграционных путей грызунов в Средней Азии. Данное изменение возникло, с одной стороны вследствие изменения климата, а с другой стороны, вследствие бурной деятельности жителей Улуса Джучи. Особенно это становится заметно в эпоху правления хана Узбека и его сыновей (1312–1357 гг.). Если учесть тот факт, что территория Золотой Орды находится в зоне рискованного земледелия, с очень резким континентальным климатом, с характерными значительными перепадами температуры и недостатком влаги, становится понятным насколько было подвержено колебаниям сельское хозяйство в Улусе Джучи. Уже вследствие этого для людей и живых организмов, обитавших на его территории, важен был баланс между благоприятным климатом, аридизацией степи, обильностью осадков и толщиной гумусного слоя. Именно нарушение этого баланса, вызванное отчасти деятельностью человека, привело в конечном итоге к катастрофическим последствиям [3].

Выросшее в стабильный с климатической точки зрения период (первая половина XIV в.) стадо домашних животных (овец, коров и лошадей) [1, с. 100] привело к очень быстрой деградации почв. Эта же причина привела к более тесной привязке населения к очень ограниченному числу мест для выпаса скота [25, с. 684]. Прямым следствием этого стало исчерпывание в кратчайшие сроки плодородного гумусного слоя и сокращение богатых пищей районов, что привело к началу изменений миграционных потоков степных грызунов и как следствие – возрастание риска большого голода среди населения и начало появления новой формы заболеваний, передававшихся от животных человеку. Что в итоге и произошло. Приток новых волн грызунов из Средней Азии привёл к появлению легочной формы чумы. Положение усугубилось тем, что на фоне роста нестабильности климата стали расти районы, подвергнувшиеся голоду, что привело к резкому ослаблению иммунной системы людей за счёт параллельного роста других заболеваний (холеры, тифа и оспы). Все это в итоге привело к катастрофическим последствиям, массовому мору людей и животных западноевразийских степей.

Уже на начальном этапе пандемии заражение приобрело форму заболевания, передававшегося воздушно-капельным путем. По мнению ряда современных исследователей клинических форм легочной чумы [10, с. 244–266], эта форма являлась вторичной по отношению

к бубонной. Как правило, такая форма болезни возникала в начале эпидемического процесса, локально, без всякой связи с эпидемиями чумы в других городах и странах, затем она могла смениться на бубонную форму.

Бубонная форма чумы присутствовала всегда на территории Евразии. Однако, вспышка, приведшая ко второй пандемии чумы («Черной смерти») разразилась, по мнению американского исследователя В. Макнилла, приблизительно около 1331 года близ города Кичин в южно-китайской провинции Хубей. В 1333 году эпидемия охватила Северный Китай, Джунгарию, Монголию и Манчжурию. Через несколько лет она была зафиксирована вблизи озера Иссык-Куль (1338–1339). В землях Узбека чума проявилась в 1341–1342 гг. Впрочем, появление легочной формы чумы в Золотой Орде источники фиксируют только в лишь 1346 году.

Первые данные об этой форме заболевания в Улусе Джучи зафиксированы в тексте Патриаршей летописи. Согласно русскому летописцу, эпидемия охватила практически все земли Орды: от Поволжья до Кавказа и от г. Солхата (Старый Крым) до г. Хорезма [19, с. 217]. Более подробную информацию о количестве пострадавших и о дальнейшем распространении чумы сообщает арабский хронист Ибн ал-Варди. Согласно данным, полученным из его источника, чума перекинулась около 747 года (1346/47 гг.) в Крым, где каждый день уносила до 1000 человек. После чего, унеся более 85 тыс. человек, стала распространяться в Руме (Константинополе), на о. Кипре и г. Халебе [23, с. 498, 530].

Вот как описывает арабский хронист ал-Айни дальнейшее распространение чумы: *«К числу событий 749 г. относится великая моровая язва и охватившая всех чума, случившаяся в землях Халебских, Сирийских и Египетских и продолжавшаяся до 750 г. Это был сильный мор, опустивший страны и жилища и поразивший людей онемением и кровохарканием. Число умерших доходило в Каире и Мысре в день до 20000 человек, а в Халебе в день до 5000, в Айнтабе (умирали) каждый день от 150 до 200, – в один день больше, в (другой) меньше – а в Дамаске 1000 человек. Погибло народу приблизительно 2/3. Это мор есть тот, который люди называют «великим мором». В некоторых летописях говорится, что число умерших в Мысре и Каире в шаабане и рамазане (25 октября – 22 декабря 1348 г.) дошло до 900000 человек. О чуме подобно этой, никто (прежде) не слышал. Чум в исламе насчитывают пять; эта шестая, и не было в нем (в исламе) чумы сильнее этой; потому что она охватила и мусульман и неверных в некоторых странах, особенно в землях франков, и обезлюдела большую часть страны. Оказался недостаток во всех товарах, вследствие незначительности привоза их, так что бурдюк воды обходился в землях Египетских дороже 10 дирхемов ... Рассказывал мне мой отец – да помилует его Аллах, – что он в то время был молодым человеком*

и что он приходил к покойникам в молельню, чтобы молиться за них, что люди, уставая от непрерывной ходьбы, потом безотлучно стали находиться в молельной Айнтабской, и как только приносили покойника, так над ним совершали молитву. Иногда молились за один раз над 50 или более покойниками, и дошло (наконец) дело до того, что не хватало ни омывателей (трупов), ни носильщиков, ни могильщиков. Закапывали иногда по 10 и по 20 (трупов) в одну яму. Не стало людей в домах; в последних были брошены пожитки, утварь, серебряные и золотые деньги, но никто их не брал. Иногда в один день умирали (все) члены семейства и лежали мертвые, потому что не было никого, кто бы отнес или убрал их, и всякий был занят только самим собою. Все это происходило в странах Северных. Умирали они (люди) от кровохарканья. Случалось, что человек поест, пойдет и заговорит со своими приближёнными, вдруг захаркает кровью, и не пройдет самого короткого мгновения, как с ним уже все покончено» [23, с. 529–530].

Обогнув Европу около 1352/1353 гг. чума вновь появилась на территории Золотой Орды. Повторное возникновение вспышек пандемии в ордынских землях исследователи связывают с существованием на побережье Северного и Балтийских морей «*реликтового северо-западного очага*», через который шло распространение бубонной формы заболевания [22].

Несмотря на то, что бубонная форма чумы имеет более длительный инкубационный период воздействия, и у заболевших появлялся небольшой шанс выжить, последствия от неё были куда опаснее для населения и государственных структур Золотой Орды. Первая волна чумы (1346–1347 гг.), имевшая просто катастрофические последствия для численности населения, не нанесла серьёзных ударов по государственным структурам Улуса Джучи. Неслучайно, что именно в этот период происходит перенос столицы из г. Сарай ал-Махруса в располагавшийся севернее Сарай ал-Джадид. Без сохранения сильной централизованной власти дома Джучидов было бы просто немыслимо не только проведение столь крупной территориально-административной реформы, как переезд в новую столицу, но и победа в конфликте с генуезцами из-за Каффы [25, с. 687].

После первой волны в Улусе Джучи под влиянием укореняющихся исламских традиций происходит своеобразная перекодировка традиционных мифологем власти в новую систему понятий мусульманизированных религиозных и политических символов. Происходит адаптированное культа Чингиз-хана и его сына Джучи к исламским ценностям, что соответствовало сложившейся в исламском мире системе сакрализации и легитимизации верховной власти. Смысл этого процесса, нашедшего отражение в исторической традиции, может быть описан формулой «*тюрко-монгольская традиция в исламской парадигме*». Однако, пожалуй самым значимым последстви-

ем первой волны для Улуса Джучи явилось ускорение процесса создания единой этноконфессиональной общности поволжских татар [7, с. 359].

Куда больше последствий имели вторая (середина 1360-х гг.) и третья волны (конец XIV вв.). [1, с. 123] Вторая волна чумы возникла на территории Улуса Джучи примерно около 1363/64 гг. Многие исследователи связывают это с продолжением возникшего в 1360 году в Северо-западной Руси мора. Впрочем, как показал анализ текстов русских летописей, именно нижневолжский природный очаг, как и в период с 1346 по 1349 гг. стал эпицентром распространения эпидемии чумы. *«Бысть мор велик в Новгороде, в Нижнем, и на все уезде его. . . хрхаку людие кровию и инии железю боязноваху день един, или два, или три дни мало и умираху... и се бе по вся дни и ноци, и не успеваху живыа мертвых погребати, бо на день по пятидесят и по сту человек и больше... Того лета мор бысть в Переяславом... и по всем властей и селом и монастырем Переяславским...»* [19]. *«... и пришел мор от низу от Бездежа, в Новгород в Нижний, а оттуду на Рязань и на Коломну, а оттуду в Переяславль, а оттуду на Москву, и тако разыдеся во все грады... и в Суздаль, и в Дмитров, и в Можайск, и на Волок и во все грады разыдеся мор силен и страшен... и бысть скорбь велика по всей земли, и опусте земля вся и порасте лесом, и бысть пустыни всюду непроходимые»* [19].

Таким образом, можно говорить о том, что к концу 1364 г. эпидемия чумы именно через ордынские земли пришла на Русь. Смертность была чрезвычайной – умирало до 150 человек в день. Более подробно о распространении и последствиях второй волны «Черной смерти» можно узнать в строках итальянского поэта эпохи Возрождения Петрарки. *«...ибо в Греции бедствие давнее, в Скифии же недавнее, так что оттуда, откуда прежде обычным делом было прибытие ежегодно в этот город (Венецию) на судах огромного урожая хлеба, теперь точно так же прибывают суда, отягченные грузом, который побуждаемые нуждой продают родственники. И вот уже непривычного вида и неисчислимого скопище немощных людей обоего пола этот прекрасный город скифским обличем и безобразным сбродом – как чистейший источник мутным потоком – поражает. И если бы этот запруживающий тесные улочки люд не был бы милее тем, кто их покупает, нежели мне, и не привлекал их взоры более, нежели привлекают мои, и не гадок, и не омрачал прохожих дурного вида скоплением, то во всей Скифии, вместе с изнурительным и бледным голодом в каменистом поле, куда поместил его Назон, редкую траву зубами и ногтями щипал бы и поныне»* [14, с. 123].

Наиболее серьезно последствия второй волны чумы сказались на развитии золотоордынских городов. Как фиксируют археологи, практически исчезают с карт города, расположенные в Пруто-Днестровском междуречье [18, с. 101]. Можно также говорить о торможе-

нии в развитии поволжских городов, а набег Аксак Тимура в 1390-х гг. лишь завершает этот процесс. Археологические данные этого периода свидетельствуют о резком подъеме золотоордынских городов, связанных напрямую с итальянскими городами Генуей и Венецией. В целом эта точка зрения подтверждается словами отечественного автора Г.А. Федорова-Давыдова о большом значении для функционирования Улуса Джучи транзитной торговли наиболее ликвидным товаром [26, с. 81]. И таким ликвидным товаром в 1360-х гг. для итальянской торговли могли стать рабы или хлеб.

О причинах роста работорговли в Золотой Орде можно найти в записках арабского хрониста ал-Омари: *«Во время голода и засухи они продают своих сыновей. При избытке ж они охотно продают своих дочерей, но не сыновей, детей же мужского пола они продают не иначе, как в крайности»* [23, с. 213, 219, 235, 241].

Как видно из торговых записей итальянских купцов Каффы, Таны и других итальянских городов Причерноморье вывоз *«живого товара татарского происхождения»* был настолько велик, что правительство Венеции вынуждено было ввести ограничительные меры: *«не более трех рабов на одного члена экипажа»*. Правда, по мнению отечественного исследователя М.Г. Крамаровского, этот запрет часто нарушался. В истории были зафиксированы случаи прибытия в Венецию судов, нагруженных 200-ми и более рабов [14, с. 134]. Данные об объеме и специфике работорговли в итальянских причерноморских колониях приведены немецким исследователем Ш. Вердлиндена. В своих исследованиях он исходил из актов Таны, касающихся рабов татарского происхождения. Так, только один работорговец Доменикос из Флоренции в 1360 году продал в Тане 30 рабов-татар (27 женщин и 3 мальчиков) на общую сумму 20 000 аспров. Стоимость рабынь – от 600 до 700 аспров (наибольшим спросом пользовались девушки 14–16 лет); стоимость мальчиков – от 4,5 до 5,5 соммо (30, Р. 10–12).

Определенную точность в вопросе о численности вывозившихся рабов проливают данные массариев Каффы. Ежемесячно численность проданных на рынке рабов составляла порядка 47–67 человек в месяц [11, с. 141]. Уровень цен колебался в зависимости от этнической принадлежности и индивидуальных качеств раба, конъюнктуры рынка (после разгрома Таны в 1395 году Аксак Тимуром цены резко выросли из-за уменьшения количества татарских рабов) [13, с. 167].

В чем же заключалась основная причина столь резкого роста работорговли в итальянских причерноморских колониях? Как видно из текстов Петрарки и ал-Омари, голод, усугублявшийся неблагоприятными климатическими условиями (суровой зимой и знойным летом) стал двигателем роста этого вида торговли [1]. Прямым свидетельством чему служит постоянный рост цен на татарский хлеб в итальянских городах. Начиная с XIII в. цены на хлеб неуклонно растут, и к

концу XIV века они более чем вдвое превышают начальные. Так если в 1290 году мина зерна в Генуе стоила порядка 16 сольди, то уже после первой волны чумы в 1357 году она составила 40 сольди, а в 90-х гг. XIV в. – от 38 до 55 сольди [12].

Однако, самые большие изменения произошли во внутривосточной картине Северо-восточной Руси и в Улусе Джучи. Эти события имели тектонические последствия, приведшие к полной перезагрузке всей политической картины Восточной Европы. Именно после второй волны пандемии в Северо-восточной Руси был запущен процесс территориального расширения Великого княжества Московского за счет выморочных земель Суздальско-Нижегородского и Тверского княжеств. Дмитрию Донскому удалось закрепить за собой и за своими наследниками ярлык на Великое княжество Владимирское.

Более серьезные последствия вторая волна чумы имела для Улуса Джучи. Её приход на территорию государства осложнил и без того запутанную внутривосточную обстановку. После смерти хана Бердибека в 1359 году золотоордынский престол стал объектом борьбы между различными кланами Ак-Орды и Кок-Орды. Важным обстоятельством, вызвавшим эту борьбу, явилось то, что во время правления последнего прокатилась волна репрессий, а сам правитель не оставил прямых наследников. Все это послужило толчком к нарастанию центробежных сил среди представителей различных ордынских султанов, находившихся в той или иной степени родства с родом Джучи. Это давало повод отдельным кланам как выдвигать своих претендентов на власть, так и начать процесс отделения некоторых территорий [25, с. 699].

Если коснуться географической привязки противоборствующих сторон, то можно определить регионы, пострадавшие менее всего от первых двух волн «черной смерти». Можно предположить, что к таким регионам явно относились Кок-Орда, Крым, Московское княжество и отчасти Булгарский улус. Именно эти территории стали точками центробежных сил в Орде. В 1363 году внутривосточная обстановка в Золотой орде настолько обострилась, что можно говорить обо всех этих центрах, как о полунезависимых государствах. В этих условиях возникновение военно-политического союза между некоторыми участниками конфликта стало вопросом времени. Великий князь Московский Дмитрий Иванович и ордынский темник Мамай смогли очень быстро найти общий язык. Однако, разразившаяся в 1364 году эпидемия чумы помешала дальнейшему усилению этого союза. Причем это не только проявлялось у обоих членов союза в нехватке собственных сил для окончательной победы над своими политическими противниками, но и в росте противостояния с ближайшим окружением.

В конце 1364 года ставленник Мамай в Сарае ал-Джадиде был смещен представителем Кок-Орды Азиз-Шейхом. Он пробыл в сто-

лице достаточно долго – почти до 1367 года, что можно объяснить не только поддержкой ордынской аристократией и слабостью действий самого Мамаю, но и продолжавшейся эпидемией чумы [9, с. 704]. К тому же, самому Мамаю приходится расплыть свои силы в борьбе сразу с несколькими сильными противниками: Булгарским улусом, Кок-Ордой, Литвой, Валахией и Генуей. Только после уступок в 1365 году Великому княжеству Московскому мордовских земель, Великому княжеству Литовскому – Волыни и Подолии, валашскому господарю – Бессарабии, темнику удалось начать наступление против засевавшего в Сарае Азиз-Шейха.

Вполне вероятно, что Мамаю вплоть до 1365 года в своих действиях опирался на финансовую поддержку генуэзцев. Это сближение скорее всего произошло в условиях начала доминирования Генуи в Черноморском регионе, сразу же после третьей венецианско-генуэзской войны 1350–1355 гг. [20, с. 245–266]. При непосредственной поддержке со стороны темника, генуэзцам удается в 1365 году захватить венецианскую колонию в Крыму Сурож (Судак), что фактически приводит к восстановлению прямых торговых связей с метрополией и как следствие – решение на время проблемы голода. Однако, последовавшие за тем требования со стороны генуэзцев к Мамаю по поводу отмены пошлины для итальянских купцов в размере 5% привели к резкому обострению и как следствие прямому военному столкновению между ними [21, с. 39]. Вот как это описывается в источниках «...*Написано это... в городе Каффе, в армянском (квартале) в 814 (1365) г., 23 августа, в обстановке всеобщей тревоги. Так, по всей стране, от Керчи до Сарукара (Херсонеса), собрались здесь люди, сила и скот, а Мамаю уже в Крыму с несметным числом татар. Город трепещет от страха... Война принесла скорбь всему городу, так как власти, не сумев оказать сопротивление, изловчились и сбежали. И нагрянуло войско, забрало 2000 человек, их имущество и увезло в Сол (хат)*» [24, с. 142–143]. После ограбления Каффы, Мамаю отобрал у генуэзцев 18 поселений на юго-восточном побережье полуострова [2, с. 22–23]. В итоге, установление контроля над Крымом позволило Мамаю сконцентрировать все свои силы над окончательным установлением власти сначала в Среднем, а потом и в Нижнем Поволжье. Впрочем, добиться этой цели полностью ему так и не удалось.

Великому князю Московскому в этот период приходится отбивать свои новые земли (земли Мордвы, Рязанского и Суздальско-Нижегородского княжества) сначала в 1365 году от правителя мордовских земель Тагая, а затем в 1367 году от булгарского правителя Булата-Тимура. Итогом оборонительных действий Дмитрия Ивановича явилось значительное усиление позиции Московского княжества на пространствах Улуса Джучи, что не могло не вызвать опасения как со стороны литовских князей, так и со стороны султанов Кок-

Орды. В итоге это приводит к первой московско-литовской войне (1368–1372), где оба противника Москвы выступают в качестве союзников с хорошей координацией ведения военных действий. Пик противостояния с Великим княжеством Московским приходится на последний год войны, когда Дмитрию Ивановичу удается поочередно остановить литовцев в Тверском княжестве, а ордынцев в Рязанском княжестве.

Ситуация в Золотой Орде стала опять резко меняться после очередной волны эпидемии чумы. В 1374 году русские летописцы фиксируют мор, распространившийся во всех русских землях и Орде. При этом был зафиксирован резкий падеж скота, очень холодная зима и крайне засушливое лето [1, с. 129]. В условиях складывавшихся неблагоприятных климатических и эпидемических условий «*Мамаева орда*» не смогла вовремя предупредить своих политических оппонентов во главе с правителем Хаджи-Тархана эмира Хаджи-Черкесом, известным в русских летописях под именем Салчей. Впрочем, последнему, хотя и удалось в 1375 году объединить Нижнее Поволжье [23, с. 389, 391], но совершенные в 1374 и 1375 гг. новгородскими ушкуйниками набеги на поволжские земли Орды не позволили ему окончательно праздновать победу. Вместо окончательной победы Хаджи-Черкесу приходится постоянно вести противостояние со своими политическими соперниками в лице Мамаия и султанов Кок-Орды [9, с. 704].

Внутриполитическая обстановка в Улусе Джучи еще больше осложняется, когда в марте 1375 года в Нижнем Новгороде был убит посол Мамаия Сарай-ака. Последствием этого события явилось возникновение военного и политического соперничества между князем Дмитрием Ивановичем Московским и Мамаем, приведшее в итоге к битве на Куликовом поле, и, как следствие, дальнейшая децентрализация золотоордынских регионов.

Впрочем, последствия второй пандемии чумы для Золотой Орды не ограничивались только лишь политическим ослаблением государства и процессом децентрализации регионов, проходившим на фоне культурного и технологического регресса, а также массового сокращения населения. Одним из главных последствий пандемии для золотоордынского общества явилось укрепление позиций ислама. Это объяснялось тем, что на мусульманском Востоке чума воспринималась, просто как болезнь, которую надо лечить настоями и фруктами. Главной причиной этой болезни, по мнению Абу Али ибн Сина (Авиценна), являлось не божье наказание, а воздействие окружающей среды и небесных тел. В то время как католическая церковь считала чуму «*бичем божьим*» [6, с. 125–129]. Такая ситуация в Западной Европе в итоге приведет к пересмотру установившихся норм и концу идеологического лидерства Католической церкви. На террито-

рии Золотой Орды ислам превращается в систему сохранения традиций и культуры.

Главным негативным итогом второй, третьей и последующих волн чумы для Улуса Джучи явилось полное изменение этнического состава и вытеснение из обихода болгарского языка. Это подтверждается фактом возвышения пришедших с территории Синей Орды в конце XIV в. с Токтамышем кланов Ширин, Аргын, Барын и Кыпчак, а в начале XV в. четырех кланов из Большой Орды Кыйат, Мангыт, Салджигут и Кунграт. Впоследствии их возвышение очень повлияло сначала на этносоциальную основу не только Крымского, Казанского, отчасти, Касимовских ханств, но и на этногенез казанских, касимовских и крымских татар, а также ногайцев [25, с. 690].

Подводя итоги всего вышесказанного можно говорить, что утвердившаяся в исторической науке точка зрения на возникновение и протекание второй пандемии чумы в Европе базируется зачастую на единственном представлении: чума является следствием укуса человека зараженными блохами, перенесенными с востока черными крысами. Такая точка зрения была характерна для конца XIX – начала XX веков. Лишь комбинируя данные исторических источников, выводы историков и биологов можно реконструировать процесс возникновения и развития второй пандемии чумы на территории Золотой Орды. На территории Улуса Джучи располагался древнейший природный очаг – «*Евразийский разлом*», который в эпоху изменения миграционных путей грызунов превратился в зону появления более опасной для человека легочной формы заболевания. Та скорость, с которой шло распространение болезни и то огромное количество летальных исходов среди заболевших с последующим рецидивами напрямую свидетельствуют о возникновении новой формы данной болезни и говорят об отсутствии выработанного иммунитета у населения. Вторая пандемия для жителей Евразии стала своеобразным Рубиконом, отделившим Средние века от «*Эпохи Возрождения*». Правда, если для Западной Европы итогом этой эпидемии явилось формирование национальных европейских государств, формирование капиталистических отношений с новой философией гуманизма и отрицание лидерства католической церкви, то для Улуса Джучи, главным образом можно и нужно говорить о второй пандемии чумы, как одной из главных причин децентрализации государства. Хотя не следует забывать, что другими результатами явились: закрепление среди населения ислама в качестве основы религиозных воззрений и базиса общественной и духовной жизни, изменение этнического состава населения и ускорение процесса этногенеза татар.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бараш С.И. История неурожая и погоды в Европе (по XVI в. н.э.). Л.: Гидрометеиздат, 1989. 238 с.
2. Бертъе-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде (справки о Фуллах) // Известия Таврического ученой архивной комиссии. 1920. Вып. 57. С. 1–135.
3. Даймонд Дж. Колапс: почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ, 2009. 720 с.
4. Домарадский И.В. Чума. М.: Медицина, 1998. 176 с.
5. Дятлов А.И. Эволюционные аспекты в природной очаговости чумы. Ставрополь: Ставропольское краевое изд-во, 1989. 180 с.
6. Ибн Сина А.А. Канон врачебной науки. Ташкент, 1958. Т. 4. 589 с.
7. Измайлов И.Л. Становление средневекового татарского этноса // История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 349–365.
8. Измайлов И.Л. Экологические катаклизмы // История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 682–686.
9. Измайлов И.Л. «Великая замятня» // История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 695–706.
10. Инфекционные болезни: Учебное пособие для вузов (под ред. проф. Шуваловой Е.П.). Ростов н/Д: Феникс, 2001. 960 с.
11. Карпов С.П. Работорговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. // Византийский временник. 1986. Т. 46. С. 139–150.
12. Карпов С.П. Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII–XV вв. // Византийский временник. Т. 50. 1989. С. 26–35.
13. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ, 1990. 336 с.
14. Крамаровский М.Г. Петрарка о бедствиях Скифии // История и современность. 2007. Вып. 2. С. 123–144.
15. Макэведи К. Бубонная чума // В мире науки. 1988. № 4. С. 30–55.
16. Наумов Н.П., Кузьмиченко И.А., Тараненко Т.И. и др. Биохимические аспекты патогенности возбудителя чумы // Медицинская паразитология. 1995. № 4. С. 17–22.
17. Павловский Е.Н. Руководство по паразитологии человека с учением о переносчиках трансмиссивных болезней. Т. 1–2, 5 изд., М., Л.: Наука, 1946–1948.
18. Полевой Л.Л. К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII – XV вв. // Известия Молдавского филиала АН СССР. 1956. №4(31). С. 99–111.
19. Полное собрание русских летописей. Т. 1–42. СПб., Л., М., 1841. – 2005.
20. Скржинская Е.Ч. Петрарка о геноуэзах на Леванте // Византийский временник. 1949. Т. II (XXVII). С. 249–256.

21. Скржинская Е.Ч. История Таны (XIV–XV вв.) // Барбарро И. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л.: Наука, 1971. С. 3–10.
22. Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы: В 2-х кн. Кн. I : Чума добактериологического периода. М.: Вузовская книга, 2006. 486 с.: ил.
23. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I, извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 579 с.
24. Хечумян В.Г. Книга книг: публицистическая проза из истории армянских рукописных книг. М.: Советский писатель, 1984. 416 с.: ил.
25. Шамильоглу Ю. Черная смерть и ее последствия // История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 686–690.
26. Федоров-Давыдов Г.А. Некоторые проблемы археологии Поволжья железного века // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». М., 1991. Вып. 2. С. 72–83.
27. Butler T. Virulence and other Yersinia infections. New York, 1987. 137 p.
28. Pollitzer R. Plague. Geneva, 1954.
29. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde // Central Asian Survey 1993. 12 (4), pp. 447–457.
30. Verlinden Ch. La colonie vénétienne de Tana, centre de la traité des esclaves au XVe et au début du XVIe siècle. Studi in onore di Gino Luzzato. Vol. 2. Milano, 1950.

Сведения об авторах: Тимур Фаритович Хайдаров – старший преподаватель Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ, кандидат исторических наук (420111, ул. Карла Маркса, 10, Казань, Российская Федерация); timkh2000@yandex.ru

Дмитрий Александрович Долбин – старший научный сотрудник, ФБУН «Казанский НИИ эпидемиологии и микробиологии» Роспотребнадзора, кандидат биологических наук (420015, ул. Большая Красная, 67, Казань, Российская Федерация); dda_sns@mail.ru

THE SECOND PLAGUE PANDEMIC IN THE GOLDEN HORDE AND ITS CONSEQUENCES

T.F. Khaydarov

(Kazan National Research Technical University named after A.N.Tupolev)

D.A. Dolbin

*(Federal Budget Institution of Science “Kazan Research Institute
of Epidemiology and Microbiology”)*

The article reviews the reasons for origin and consequences of spreading for the second plague pandemic in the Golden Horde. By applying scientific data

from biology, climatology, medicine, and history, authors come to a conclusion that a large number of natural plague pestholes existed initially in the Ulus of Jochi. Numerous historical sources mentioned plague outbreaks but all of them were of purely local character. The bubonic type of plague characterized by a longer period of illness and an insignificant number of lethal episodes was spread more widely. In the mid-40s of the 14th century a new form of disease, the lung plague, came into existence. It was corpse blackening of the deceased from this type of plague that gave name to the whole pandemic – the “Black Death”. The speed of its progress and spreading significantly exceeded those of the bubonic type and 100% of mortality was recorded among the diseased. However, as historical data show, the outbreak of the lung plague continued in the territory of the Golden Horde from 1346 to 1349. In their article authors prove that one of the most important reasons for the emergence of the lung type was the change in migration flows of Eurasian rodents caused by depletion of nutritional resources in the steppe and serious climatic changes. All other outbreaks of the Black Death are viewed as continuation of the first wave of the disease and their emergence is explained through activity of two natural pestholes (the Relict North-Western and the Lower Volga ones). Consequences of the the first wave were much less substantial for the Ulus of Jochi than those of the following outbreaks (in 1364, 1374, and 1395). The main consequences of the next waves of the disease were: final establishment of 4 political centers (Grand Duchy of Moscow, the Bulgar and the Crimean uluses, and the Blue Horde) striving for political leadership in the territory of the former Golden Horde; establishment of a new ethnic group of the Volga Tatars; and strengthening of Islam’s position in the region.

Keywords: Mamay, Genoa, Crimea, Volga Bulgaria, Lower Volga Area, Central Asia, Kok Horde, islam.

REFERENCES

1. Barash S.I. *Istoriya neurozhaev i pogody v Evrope (po XVI v. n.e.)* [The history of crop failures and weather in Europe: (16th century AD)]. Leningrad, Gidrometeoizdat, 1989. 238 p.
2. Bert'e-Delagard A.L. Issledovanie nekotorykh nedoumennykh voprosov srednevekov'ya v Tavride (spravki o Fullakh) [Research of some puzzled questions of the Middle Ages in Taurida]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Bulletin of the Tauride Scientific Archive Commission]. 1920. Is. 57, pp. 1–135.
3. Daymond Dzh. *Kolaps: pochemu odni obshchestva vyzhivayut, a drugie umirayut* [Collapse: Why Some Societies Survive and Others Die?]. Moscow, AST Publ., 2009. 720 p.
4. Domaradskiy I.V. *Chuma* [The Plague]. Moscow, Meditsina, 1998. 176 p.
5. Dyatlov A.I. *Evolyutsionnye aspekty v prirodnoy ochagovosti chumy* [Evolutionary aspects in a natural origin of plague]. Stavropol', Stavropol'skoe kraevoe Publ., 1989. 180 p.
6. Ibn Sina A.A. *Kanon vrachebnoy nauki* [Kanon of medical science]. Tashkent, 1958. Vol. 4. 589 p.
7. Izmaylov I.L. Stanovlenie srednevekovogo tatarskogo etnosa [Formation of medieval Tatar ethnoses]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen: v semi tomakh. Vol. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda) XIII – ceredina XV v.* [History of Tatars

since the most ancient times: in seven volumes. Vol. III. Ulus Dzhuchi (Golden Horde) of XIII – the middle of the XV century]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2009, pp. 349–365.

8. Izmaylov I.L. Ekologicheskie kataklizmy. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen: v semi tomakh. Vol. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda) XIII – ceredina XV v.* [History of the Tatars from the Earliest Times in Seven Volumes. Vol. III. The Ulus of Jochi (The Golden Horde). 12th – middle of the 15th centuries]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2009, pp. 682–686.

9. Izmaylov I.L. «Velikaya zamyatnya» [“Great distemper”]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen: v semi tomakh. Vol. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda) XIII – ceredina XV v.* [History of the Tatars from the Earliest Times in Seven Volumes. Vol. III. The Ulus of Jochi (The Golden Horde). 12th – middle of the 15th centuries]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2009, pp. 695–706.

10. *Infektsionnye bolezni: Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Infectious diseases: The manual for higher education institutions] (pod red. prof. Shuvalovoy E.P.) Rostov n/D: Feniks, 2001. 960 p.

11. Karpov S.P. Rabotorgovlya v Yuzhnom Prichernomor'e v pervoy polovine XV v. [The Slave Trade in the Southern Black Sea Region in the first half of the 15th century]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina chronika]. 1986, no. 46, pp. 139–150.

12. Karpov S.P. Torgovlya zernom v Yuzhnom Prichernomor'e v XIII–XV vv. [Grain Trade in the Southern Black Sea Region in the 13th–15th centuries] *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina chronika]. Vol. 50. 1989, pp. 26–35.

13. Karpov S.P. *Ital'yanskie morskije respubliki i Yuzhnoe Prichernomor'e v XIII–XV vv.: problemy torgovli* [Italian Maritime Republics and the Southern Black Sea Coast in the 13th–15th centuries: The Problems of Commerce]. Moscow, MGU, 1990. 336 p.

14. Kramarovskiy M.G. Petrarka o bedstviyakh Skifii [Petarch on the Disasters of Scythia]. *Istoriya i sovremennost'* [History and Modernity]. 2007. Is. 2, pp. 123–144.

15. Makevedi K. Bubonnaya chuma [The Bubonic Plague]. *V mire nauki* [In the World of Science]. 1988. No. 4, pp. 30–55.

16. Naumov N.P., Kuz'michenko I.A., Taranenko T.I. i dr. Biokhimicheskie aspekty patogennosti vzbudatelya chumy [Biochemical Aspects of the Yersinia pestis Pathogenicity]. *Meditinskaya parazitologiya* [Medical Parasitology]. 1995, no. 4, pp. 17–22.

17. Pavlovskiy E.N. *Rukovodstvo po parazitologii cheloveka s ucheniem o perenoschikakh transmissivnykh bolezney* [Guidance on the Human Parasitology with the Doctrine of the Carriers of Transmissible Diseases]. Vol. 1–2, 5 izd., Moscow-Leningrad, Nauka Publ., 1946–1948.

18. Polevoy L.L. K topografii kladov i nakhodok monet, obrashchavshikhsya na territorii Moldavii v kontse XIII – XV vv. [The Topography of Hoards and Findings of Coins Circulating on the Territory of Moldova at the end of 13th – 15th centuries]. *Izvestiya Moldavskogo filiala AN USSR* [Proceedings of the Moldavian Branch of AN SSSR]. 1956, no. 4(31), pp. 99–111.

19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chroicnles]. Vol. 1–42. St. Petersburg, Leningrad, Moscow, 1841. 2005.

20. Skrzhinskaya E.Ch. Petrarka o genueztsakh na Levante [Petrarch on the Genoese at Levante]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina chronica]. 1949. Vol. II (XXVII), pp. 249–256.

21. Skrzhinskaya E.Ch. Istoriya Tany (XIV–XV vv.) [History of Tana (14th–15th centuries)]. *Barbaro I. Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazey v XV v.* [Barbaro and Contarini on Russia. To the History of the Italian-Russian Relations in the 15th century] Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 3–10.

22. Supotnitskiy M.V., Supotnitskaya N.S. Ocherki istorii chumy: V 2-kh kn. Kn. I: *Chuma dobakteriologicheskogo perioda* [Essays on the History of Plague: in two books. Book I: The Plague in the Pre-bacteriological Period]. Moscow, Vuzovskaya kniga, 2006. 486 p.

23. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy, t. I, izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I: Excerpts from the Arab Writings]. St. Petersburg., 1884. 579 p.

24. Khechumyan V.G. *Kniga knig: publitsisticheskaya proza iz istorii armyanskikh rukopisnykh knig* [The Book of Books: Publicistic Prose from the History of Armenian Manuscript Books]. Moscow, Sovetskiy pisatel', 1984. 416 p.

25. Schamiloglu U. Chernaya smert' i ee posledstviya [The Black Death and Its Consequences]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen: v semi tomakh. Vol. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda) XIII – ceredina XV v.* [History of the Tatars from the Earliest Times in Seven Volumes. Vol. III. The Ulus of Jochi (The Golden Horde). 12th – middle of the 15th centuries]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2009, pp. 686–690.

26. Fedorov-Davydov G.A. Nekotorye problemy arkheologii Povolzh'ya zheleznogo veka [Some Problems of the Volga region Archaeology of the Iron Age]. *Materialy konferentsii «Arkheologiya i sotsial'nyy progress»* [Proceedings of the Conference “Archaeology and Social Progress”]. Moscow, 1991. Is. 2, pp. 72–83.

27. Butler T. *Virulence and other Yersinia infections*. New York, 1987. 137 p.

28. Pollitzer R. *Plague*. Geneva, 1954.

29. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde. *Central Asian Survey*. 1993. 12 (4), pp. 447–457.

30. Verlinden Ch. *La colonie vénétienne de Tana, centre de la traité des esclaves au XIVe et au début du XVe siècle*. Studi in onore di Gino Luzzato. Vol. 2. Milano, 1950.

About authors: Timur Faritovich Khaydarov – Senior Lecturer, Kazan National Research Technical University named after A.N.Tupolev, Cand. Sci. (History) (420111, Kazan, Karl Marks st., 10, Kazan, Russian Federation); timkh2000@yandex.ru

Dmitry Aleksandrovich Dolbin – Senior Research Fellow, Federal Budget Institution of Science “Kazan Research Institute of Epidemiology and Microbiology” of Rospotrebnadzor, Cand. Sci. (Biology) (420015, Kazan, Bolshaya Krasnaya st., 67, Kazan, Russian Federation); dda_sns@mail.ru